

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 8**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 8

<https://litres.ru/74020273>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 8 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

Тростинки	4
В залунье	7
Вселенский застой	9
Как эхо	11
Черная тоска	14
Недотрога	17
Не обижайте женщин	19
Человек родился	21
Пропасти простраций	23
Под приливом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 8

Тростинки

Гордые плечи, нежная шея,
Это не женщина, Кассиопея,
Это загадка, колдунья и фея,
Это не женщина в платье кофейном.
Это был демон, это был коршун,
В женском обличье, но кончено – брошен,
Мало любили, мало болели,
В тонкие дудки тростниками пели.
В обители любви
Мы, как тростинки в поле,
Ничто не отболит
В том, где нет общей боли.
И то не прорастет,
Что не заколосилось,
А боль все не уйдет,
За то, что не случилось.
И то не прорастет,

Что не заколосилось,
А боль все не уйдет,
За то, что не случилось.
Мощное тело, как у Сталлоне,
Это не мужчина – а слепок Аполлона,
Нет в нем загадки, - таранит, как бульдозер,
И крепок, словно дуб, в любой доступной позе.
Это был демон, это был коршун,
Во всем мужском обличье, но кончено - брошен,
Мало любили, мало болели,
В тонкие дудки тростниками пели.
Но, все же, будет боль
Щемить, как дуб Прокрустов,
Засевшую любовь,
В душе, в которой пусто.
Не сбудется любить,
А не любить – тем боле.
Ничто не отболит
В щемящей личной боли...
Не сбудется любить,
А не любить – тем боле.
Ничто не отболит
В щемящей личной боли...
Где гордые плечи, где нежная шея,
Где эта женщина, Кассиопея,
Эта загадка, колдунья и фея,

Где эта женщина в платье кофейном?

Это был демон, это был коршун,

В женском обличье, но кончено – брошен,

Мало любили, мало болели,

И в тонкие дудки тростинками пели;

Мало любили, мало болели,

В тонкие дудки тростинками пели,

В тонкие дудки тростинками пели.

В залунье

Есть в компаниях люди,
Есть они за окном,
Давай, больше не будем
Ни о чем о другом.
Только мы, если можно,
Кроме нас - никого,
Остальное все – ложно,
Люди – хуже всего.
Только мы, если можно,
Кроме нас - никого,
Остальное все – ложно,
Люди – хуже всего.
Люди нам не помогут
Ни любить, ни страдать:
Только зависть и омут,
Только тонкая гать.
И пойдем мы с тобою,
Словно призраки, в даль,
За идущей луною
Что нам бросила шаль.
И однажды проснемся
Лишь в чужой стороне,
В той, где тени от солнца

На обратной луне.
Лучше здесь, но в безлюдье,
Где вражда за стеной,
Чтоб казаться в залунье,
Чтоб идти за луной...
Лучше здесь, но в безлюдье,
Где вражда за стеной,
Чтоб казаться в залунье,
Чтоб идти за луной...
Люди нам не помогут
Ни любить, ни страдать:
Только зависть и омут,
Только тонкая гать.
И пойдем мы с тобою,
Словно призраки, в даль,
За идущей луною,
Что нам бросила шаль...
Только мы, если можно,
Кроме нас - никого,
Остальное все – сложно,
Люди – лучше всего!..

Вселенский застой

Низшие цели пожертвовав высшим,
Стану Толстым я, стану, как Ницше,
Но не достигну себя.

Мудр я в грядущем, мудр я в отжившем,
Им все равно – тварям высшим и низшим,
Если живу, не любя.

Не экономлю себя, но в растратах
Сам не винюсь, не ищу виноватых,
Не господин не судья.

Время не сдвинет застывших закатов,
И не вернется пространство обратно,
И не вернусь в себя я.

Быстро забудется все, что я стоил,
Память несется вселенским застоєм,
Память несется вселенским застоєм,
И позабудут – что жил.

Сына на фронт не послал, не построил
Дома, где длинный ряд яблонек строен,
Дома, где длинный ряд яблонек строен,
Может, и не долюбил.

Кровь застоялась, века застоялись,
Еле растет прошлогодняя завязь,

Будет ли новая новь?

Что мне в разлуке с любовью осталось?

Только к любви моей высшая жалость,

И мировая Любовь...

Не застоится Любовь мировая,

Будут ломиться ворота у рая,

Если в добре – победят.

Высшие цели пожертвуя низшим,

Все раздавая убогим и нищим,

Все же я сдвину закат...

Только забудется все, что я стоил,

Память несется вселенским застоєм,

Память несется вселенским застоєм,

И позабудут – что жил.

Сына на фронт не послал, не построил

Дома, где длинный ряд яблонек строен,

Дома, где длинный ряд яблонек строен,

Может, и не долюбил.

Может, и не долюбил.

Как эхо

Желала ты, что б был я добр,
Чтобы, как Бог, любим был миром,
И твое эхо в сердце гор -
Как по щеке иконы миро.
Но без тебя ни доброты,
И ни желанья править миром,
Во сне, во мраке пустоты
Зачем мне быть твоим кумиром?
Я сам с собою говорю –
С утра до сна в грядущем,
А ночью – слушаю зарю,
В себя из сна отпущен.
Причины сна я не постиг
Иначе стать пророком,
Но не согласен на постриг,
Хоть быть бы ближе к Богу.
Но не согласен на постриг,
Хочу быть ближе к Богу.
Ведь я страдаю и люблю,
Я божие созданье,
Хоть спутник малый кораблю,
Что строит мира зданье.
Правда, страдаю и люблю,

Но - лишь подобье мира...
Хотя зачем я говорю
Что скажет правды лира.
Ведь кто все истины постит
Лишь тот подобен Богу,
А отрок, принявший постриг,
Мостит лишь в рай дорогу.
В раю – пострижен мотылек,
Без крыльев, не летает,
Но путь в раю его далек,
Он этого не знает.
Тот путь назад к любви ведет,
К греху в зеленых кущах,
Где добрый праведник ведет
Борьбу за наши души.
И потому идет весна,
А за весною лето,
Чтоб были осень и зима,
И все опять – как эхо!
Вновь будет слово, будет рай
И вновь любви обитель,
И вновь дорога в грешный край,
Где вечно ждет Спаситель.
Я вновь провален в этот сон,
Как в хлад большой купели,
Как эхо сам в себя влюблен,

Но слышен еле-еле;
Я вновь провален в этот сон,
Как в хлад большой купели,
Как эхо сам в себя влюблен,
Но слышен еле-еле...
Но слышен еле-еле...

Черная тоска

Вроде все позабыто,
Но вот встретил опять,
Не корыто разбито,
Тут «лимонов» на пять.
И опять она рядом,
Я тоски не хочу,
Мне иные преграды
Как одна – по плечу,
Только эта - как пряник,
Только эта – как кнут,
Потому с ее дани
Мне никак не свернуть.
Она склизка, опасна –
Где в одной стороне
Мне хмельная закваска,
С другой – дуло в спине.
Не хочу поворотов,
Все иду по прямой,
Потому весь, как в рвоте,
Потому – и живой.
Не хочу поворотов,
Все иду по прямой,
Потому весь, как в рвоте,

Потому – и живой.
Вроде все позабыла,
Так ведь нет – вот опять,
И в любви налюбила
Мне лимонов на пять.
Поверну и на грабли
Все равно наступлю
И не надо преграды
Где в тоске не люблю.
Без тоски хуже смерти -
Будто рай, но в аду,
Где кино крутят черти.
Без тоски пропаду...
Она склизка, опасна –
Где в одной стороне
Мне хмельная закваска,
С другой – дуло в спине.
Не хочу поворотов,
Все иду по прямой,
Потому весь, как в рвоте,
Потому – и живой.
Не хочу поворотов,
Все иду по прямой,
Потому весь, как в рвоте,
Потому – и живой.
Потому что как в рвоте,

Потому – и живой.

Недотрога

Не широка у нас с тобой дорога,
Но – безгранична, выбери свой путь?
Зачем мне ширь, когда ты – недотрога,
И хочешь полюбить лишь как-нибудь.
Зачем тебе любовь, воспоминанья,
Зачем и боль, и первой боли кровь,
Когда не знаешь ты – зачем страданья,
Последняя, как в первый раз, любовь.
Зачем тебе любовь, воспоминанья,
Зачем и боль, и первой боли кровь,
Когда не знаешь ты – зачем страданья,
Последняя, как в первый раз, любовь.
Ты не даешь дотронуться до сути,
Ты ойкаешь, когда я дотянусь,
Как мало: «Ничего, пусть Бог рассудит!..» -
В любви - лишь отговорка, просто – жуть!
Неужто в Небесах к тебе, трусихе,
Угодно заглянуть, залезть в постель?!
Вот и живем, два бесконечных психа,
Дорога без границ, но – канитель!
Неужто в Небесах к тебе, трусихе,
Угодно заглянуть, залезть в постель?!
Вот и живем, два бесконечных психа,

Дорога без границ, но – канитель!
Пошире бы дороги, побезбрежней,
Где нет границ у ночи, как у дня -
Где смотрит в образ скромный твой и нежный
Небесный взор широкого огня.
И ты захочешь, - точно знаю, - муки,
И пожелаешь рук моих грубей,
И злой любви, измены и разлуки
Вся в бесконечной верности моей...
И ты захочешь, - точно знаю, - муки,
И пожелаешь рук моих грубей,
И злой любви, измены и разлуки
Вся в бесконечной верности моей,
И злой любви, измены и разлуки
Вся в бесконечной верности моей.

Не обижайте женщин

Жить без любви – позор и наказание,
Нет мельче этой доли в земной мгле,
И без причины в час рассвета ранний
Не трогайте вы женщин на Земле!
Не обижайте без причины женщин,
Причина есть? Сам виноват - дурак!
Нет ничего позорнее и меньше,
Чем твой огромный – молотом – кулак.
Бери другим, огромным или малым.
Бери от женщин все, что ни дадут.
Они – другие. Но ведь нас – навалом –
Разлюбят и к другим тотчас уйдут.
Они – другие. Но ведь нас – навалом –
Разлюбят и к другим тотчас уйдут.
Зачем тревожить сны, в которых льдины,
Под красным Солнцем, будто все в крови,
Растопят жар обид к своим мужчинам,
Чтоб утром встать готовыми к любви...
Не обижайте женщин. В мире этом
Нет ничего сильнее их любви!
Зло превратит любовь в кристалл кометы,
Летящей в даль в рубиновой крови...
Пусть это будет сном, земным, тревожным,

Но встанет солнце, зла рассеет мрак.

Не обижайте женщин, если можно.

Когда нельзя, заткни свой рот, дурак!

Пусть это будет сном, земным, тревожным,

Но встанет солнце, зла рассеет мрак.

Не обижайте женщин, если можно.

Когда нельзя, заткни свой рот, дурак!

Не обижайте женщин, если можно.

Когда нельзя, заткни свой рот, дурак!

Когда нельзя, заткни свой рот, дурак!

Человек родился

Ты родишь мне сына или дочь,
Воспитай в любви к добру, к искусству,
Чтоб могли в бомонде превозмочь
Да в душе чтоб не бывало пусто.
Признак превосходства – доброта,
Кажется, изрек старик Бетховен,
Истина добра – как мир проста,
Вне добра и лишь рожденный – злобен:
Есть не может и не может пить,
Но он необуздан, и не даром! –
Он теперь на свете хочет жить,
Ангел напоил любви нектаром.
В миг преобразился человек!
Был на добрый мир он зол, сердечный,
И, не распахнув дрожащих век,
Он уже, как ангел, - человеческий!
Признак превосходства над зверьем
Проявляет в первый час познания,
Малыша мы на руки берем,
Акушере машем «До свиданья!»
Представляю: вот ты родила,
Вот цветы и торт, затем уходим,
И в добре планета расцвела,

И отныне каждый добрый моден.
И уходим в кущи доброты,
На какой-то срок, до срока битвы,
Где не кущи – страшные кусты,
Где сердца во зле любви разбиты.
Где уже не только доброты -
В помощь - зверский слух!
Как мир греховен!
Посылает музыку в мечты,
С детства, нас не слышащий, Бетховен.
В миг преобразился человек!
Был на добрый мир он зол, сердечный,
И, не распахнув дрожащих век,
Он уже, как ангел, - человеческий!
Признак превосходства над зверьем
Проявляет в первый час познания,
Малыша мы на руки берем,
Акушери машем «До свиданья!»
Признак превосходства над зверьем
Проявляет в первый час познания,
Малыша мы на руки берем,
Акушери машем «До свиданья!»
Малыша мы на руки берем,
Акушери машем «До свиданья!»
Акушери машем «До свиданья!»

Пропасти простраций

Был я чемпион, и ты на ринг
Прыгала по-свойски, как промотор,
И меня в крови под гам и крик
Целовала. Был я глупым мотом.
Жизнь, любовь – проиграны, увы!
Я не чемпион, по счастью в тризне,
Даже в личном счастье визави
Обогнал меня, отстал я в жизни.
Временем своим не овладев,
Не владею миром ситуаций,
Время открывает страшный зев –
И уносит в пропасти простраций.
Овладев беспечным бытием,
Визави, расчетливо и точно
Бьет, как беззащитного, копьём
Брызжет кровь раскрашенно и сочно.
Лишь тогда, в своей густой крови,
Видя, сколько было во мне жизни,
Я жалеешь прожитой любви
Не его. Моя в печальной тризне.
Был я чемпион, и ты на ринг
Прыгала по-свойски, как промотор,
И меня в крови под гам и крик

Целовала. Был я глупым мотом.
Бог дарует время каждый день –
Каждый, как в прострации, - упущен.
Было жизни доверху - под всклень,
Вот на дне ползут живые души.
И скребут по стенкам бытие,
То, что от отпущенного, – крохи.
Вне простраций – вечное вытье
И по-недоделанному вздохи...
Овладев беспечным бытием,
Визави, расчетливо и точно
Бьет, как беззащитного, копьём
Брызжет кровь раскрашено и сочно.
Лишь тогда, в своей густой крови,
Видя, сколько было в тебе жизни,
Ты жалеешь прожитой любви
Не своей. Твоя в печальной тризне;
Ты жалеешь прожитой любви
Не своей. Твоя в печальной тризне,
Не своей. Твоя в печальной тризне.

Под приливом

Скоро осень, дожди отстучали,
Я же в руки твои все дышу,
И отпали от сердца печали,
Но я вру, что в тебя не спешу.
Ни момента, ни мига покоя –
А помыслил иначе – солгал,
Под приливом дождей только двое,
И покой их любви – идеал.
Но уносят все ветры бытийно,
И меняется облик и кровь –
Так Платон говорил. И стихийно
В платонизм вновь сольется любовь.
Платонизм, платонизм, в платонизме
Лишь вербальные взгляды любви,
В них не видится почерк харизмы,
Где моря бороздят корабли,
Пашут килем пространства вселенной,
Где ни мига покоя – нигде,
Ибо вечность покоя – мгновенна,
Тенью плуга в пустой борозде.
В платонизме любовь угасает,
Я беру твои пальцы в свои,
Что с тобой и со мной точно знаю,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.